

— Я хочу спросить вас о дворце Хиен, — начала Дзюсэцу, обращаясь к Сикену. — Дворец Хиен... Нианьян? — Сикен выглядел озадаченным. — Вы имеете в виду, во времена предыдущего императора? — Верно. Вы когда-то работали во дворце Хиен. Помните ли вы евнуха по имени Юиса из того времени? Глаза Сикена внезапно расширились. Казалось, он его помнит. Возможно, это было естественно, ведь Юиса был казненным евнухом. — Я помню его, — в голосе Сикена прозвучала боль. Нет, скорее, это было похоже на горе. — Он был казненным евнухом. Хотя он был еще ребенком. — Его преступление? — А? — За какое преступление его казнили? Взгляд Сикена стал беспокойным. — Это... Я тоже был ребенком в то время, поэтому, боюсь, я не знаю подробностей... — У вас был тот же сифу, что и у Юисы? — Нет, не было. Я думаю, что наставником Юисы был евнух по имени Оубун. Дзюсэцу достала из кармана письмо и проверила его. Похоже, в настоящее время он работал в Министерстве внутренних дел. — Я слышала, что Юиса был влюблен в госпожу Ласточку, но правда ли это? На мгновение Сикен ностальгически сузил глаза. — Я бы не стал называть это любовью... все-таки он был ребенком. Я думаю, что это была скорее тоска или обожание. Она была далека от нас. — Кажется, он подарил ей перья синей ласточки, — как только Дзюсэцу это сказала, лицо Сикена побледнело. — Что-то случилось? — Нет, ничего страшного, — Сикен опустился на колени, сцепил руки и опустил голову. Его лицо было скрыто. — Приношу свои глубочайшие извинения, я чувствую себя немного... Дзюсэцу встала и заставила Сикэна опустить руки. Его лицо было бледно-белым. — Похоже, было плохо, что вы остались стоять. Кровь перестала приливать к голове. Не двигайтесь. Она велела Дзюдзю принести что-нибудь, что могло бы послужить подушкой. Цзюцзю принесла свернутый кусок ткани. Они положили его под голову Сикэна и уложили его. Через некоторое время кровь вернулась к его лицу. Дзюсэцу посмотрела на него сверху вниз. — Сикен, ты знаешь, что во дворце Хиен появился призрак? Сикен слегка приоткрыл глаза, его лицо было все еще бледным. — Это призрак Юисы. Ты слышал об этом? Он медленно покачал головой. — Понятно, — только и сказала Дзюсэцу. Дзюсэцу оставила Сикэна на попечение дворцовой дамы и евнуха дворца Эноу и ушла. — Мы идем к Оубун. — Если он был сифу Юисы, то должен был лучше всех знать его обстоятельства. Скорее всего, он тоже получил какое-то наказание, потому что был его сифу. — ...Ниангнян, насчет Сикэна... Онкей уже собирался сказать, но Дзюсэцу прервала его: — Не нужно. — Мы допросим его позже. Она почувствовала, что он что-то знает. Однако в его нынешнем состоянии она не могла выудить это из него насильно, а уста людей не всегда говорят правду, когда их заставляют открыть. — Сначала давайте выясним все со стороны. Она хотела, чтобы Убун признался во всем, насколько это возможно. Бюро евнухов, такие как Министерство внутренних дел и Бюро императорского дворца, располагались к югу от внутреннего дворца. Это был угол, окруженный крытыми глинобитными стенами. Министерство внутренних дел, в котором находился Убун, отвечало за управление занавесами и бамбуковыми ширмами, а также за освещение внутреннего дворца фонарями. Посетив министерство внутренних дел, они обнаружили комнату, уставленную полками с бесчисленным количеством свечей, подсвечников и чашек с маслом. Между ними деловито сновали евнухи. Казалось, они проверяют, в идеальном ли состоянии инструменты и правильно ли указаны номера. Во внутреннем дворце были сотни подвесных фонарей, и они должны были зажигать их каждую ночь, так что это, должно быть, была очень трудная работа. Ночью внутренний дворец был ярко освещен. Только дворец Ямэй оставался в темноте. Дзюсэцу подозвала стоявшего неподалеку евнуха и попросила его позвать Убуна. Убун полубежал из глубины комнаты. Это был шустрый евнух, которому на вид было около сорока лет. Глаза у него были маленькие, и он, казалось, имел склонность беспокойно моргать глазами. Дзюсэцу почувствовала, что он напуган и недоумевает, как могло случиться, что его вызвал консорт - фактически консорт Ворона. — Помнишь ли ты евнуха по имени Юиса? — в упор спросил Дзюсэцу. Убун, услышав это имя, словно проглотил камень. — Я никогда не мог его забыть. Он был чи'эром на моем попечении... — Видимо, его казнили. Как называлось его преступление? — ...Это было авицид. Что? Глаза Дзюсэцу расширились. Это было неожиданное преступление. Преступление, связанное с убийством птицы. Убийство птиц во внутреннем

дворце было запрещено, так как птицы были прислужниками Вулиан Няньнянь.— Юйса убил синюю ласточку. За это преступление ему отрубили голову. — Убун вздохнул. — Меня, как его наставника, тоже били. Вдобавок ко всему, меня заставили заниматься бездельем... Почему это произошло... Не обращая внимания на монолог Убуна, в котором звучали жалобы, Дзюсэцу задала другой вопрос.— Почему Юйса убил синюю ласточку?— Юйса подарил Ласточке птичьи перья, чтобы завоевать ее расположение. Чтобы получить перья, он поймал синюю ласточку и случайно убил ее. Неважно, случайно или намеренно, но за убийство птицы полагалась смертная казнь.— Императрица того времени была в ярости от того, что, будучи влюбленным в супругу, которая была далеко за пределами его положения, он ради собственной выгоды вызвал смерть птицы... Она сказала ему, чтобы он был благодарен за то, что его не разорвали на куски. Под императрицей того времени подразумевалась вдовствующая императрица, которая заставила Кошуна свергнуть с престола и недавно была казнена. А как же тогда сама вдовствующая императрица, погубившая множество людей ради собственной выгоды? Дзюсэцу почувствовала тошноту, но она уже была в списке погибших. Упрекать ее больше не имело смысла.— Говорил ли Юйса что-нибудь перед казнью?— Нет... — Убун покачал головой. — Он только выглядел опустошенным и плакал.— Так и есть. В груди у нее потяжелело. Она представила себе призрак Юйсы, стоящий посреди радужных оболочек кроличьих ушей. Она задала Убуну еще один вопрос.— Не говорила ли Юйса "прости" на языке хатан?— Я не уверен... Я не знаю хатанского языка. — Простите, но... — он беспокойно посмотрел на Дзюсэцу, быстро моргая. — Что это за расследование? Есть ли какие-то проблемы с тем, что произошло тогда?— Нет, вовсе нет. Я просто хотел узнать. Вернув Убуна, который все еще выглядел беспокойно, на прежнее место работы, Дзюсэцу повернула в ту сторону, откуда пришла. Она намеревалась снова отправиться во дворец Эноу. Однако... Выйдя из дворца, где располагалось Министерство внутренних дел, и направляясь к воротам, она увидела его. Вокруг высились бесчисленные здания, словно каменные грибы, выросшие из серой земли. Среди них, затерянное в лабиринте узких переулков, стояло общежитие для евнухов, работавших в Бюро. Здесь, в стенах этого дома, находили приют новоприбывшие, исполняя обязанности младших слуг своих старших братьев по несчастью. У входа в общежитие, присев на корточки и обхватив колени руками, сидел юный евнух. Лицо его было бледным, словно вылепленное из воска, а глаза — полны страха. — Это... — прошептала Дзюсэцу, обращаясь к фигуре, застывшей у стены. Стены общежития, некогда белоснежные, теперь были покрыты слоем пыли и плесени, словно время оставило на них свои серые отпечатки. — Ишиха, — произнес евнух, поднимая голову, встретившись взглядом с Дзюсэцу. Глаза его были красными, влажными от слез. Дзюсэцу узнала Исиху. — Леди Вороний Супруг, — прохрипел он, торопливо вытирая слезы. Ишиха поднялся на ноги и опустился на колени, склоняя голову. — Что ты здесь делаешь? — спросила Дзюсэцу, заставляя его подняться и смахивая грязь с колен. Ишиха застыл, пораженный ее заботой, и слезы, казалось, отступили. — Все ли хорошо во дворце Хиен? — спросила Дзюсэцу, замечая, как вновь влага подступила к глазам Исихи. — С-Шифу сказал мне... что не может больше заботиться обо мне... и что я должен уехать... — прошептал Ишиха, голос его дрожал. — Что? — Дзюсэцу почувствовала, как ледяной холод пробежал по ее телу. — Это я виновата? Ее угроза не сработала или сработала слишком хорошо? В любом случае, она все испортила. — Простите. Дзюсэцу извинилась, но Ишиха дико затряс руками и головой. — Нет, это не ваша вина, леди Консорт Ворона. Это потому, что я говорил о призраках и напугал Сифу. Вот почему это моя вина, — удрученно сказал Ишиха. Дзюсэцу почувствовала, что ее прикрывают. — Сифу, похоже, легко пугается. Поэтому он и слышать не хочет о призраках, да и о Леди-Вороне тоже, — добавила она, заметив, как Ишиха тут же закрыл рот и опустил глаза. Значит ли это, что ее угроза оказалась слишком действенной? Дзюсэцу повернулась к Онкэю. — Что должен делать сифу, если его сифу изгнал его? — спросила она. — Их назначат другим сифу. А до тех пор они снова будут выполнять работу за синэна, — ответил Онкей, словно это было обыденным делом. — Вот как... — пробормотала Дзюсэцу. — Однако, — добавил Онкей, — с чи'эрами, которые возвращаются

сюда снова, обращаются сурово. Губы Исихи плотно сжались, и Дзюсэцу замолчала. — Господин Онкей, это слишком... — Дзюцу потянула Онкея за рукав, отругав его. — Разве нет более благоприятного исхода? — спросила она, но Онкей ответил резко. — Нет. — Очень хорошо. Попробую спросить у Кошуна — нет, у И Сей. Вы умны, поэтому должны быть ценным сотрудником в любом месте. А пока можешь остаться в моем дворце, — сказала Дзюсэцу, видя, как Ишиха поднял лицо. Щеки его покраснели, в отличие от прежней бледности. — Большое спасибо за щедрость, — прошептал он. — А нельзя ли пойти еще дальше и позволить ему работать во дворце Ямэй? — с надеждой спросила Дзюдзюцу, но Дзюсэцу покачала головой. — Дворцу не нужна рабочая сила. Она с самого начала была одна. Добавление новых людей было бы хлопотным делом. Консорт Ворона вела одиночный образ жизни. Она не позволяла людям приближаться к себе и не собирала их. Так было заведено. Так же поступила и Рейдзю. Более того, подумала она, не было никакой необходимости служить Консарту Ворона. Она отличалась от других супругов. Да и жутковато будет, раз она связана с призраками. Пока она молча размышляла об этом, она поняла, что Ишиха пристально смотрит на нее. — В чем дело? — спросила она, встретившись с его взглядом. — О, нет, пожалуйста, простите меня, — Ишиха опустил глаза. — Я не особенно возражаю. Евнухам нельзя было смотреть на лица консорт, но Дзюсэцу это не волновало. — Нет, эм, Леди Ворона Консорт... у вас такие красивые глаза, — прошептал Ишиха, глядя на нее. На губах Дзюсэцу появилась слабая улыбка. — Правда? Рэйдзю, предыдущий Консорт Ворона, тоже говорила мне об этом, — ответила она, начиная идти. Ишиха снова уставился на ее профиль. Онкей и Дзюдзю последовали за Дзюсэцу. — Как и ожидалось, в них совсем нет чудовищ. Они просто прекрасны, — пробормотал Ишиха на языке хатан, побежав за Дзюсэцу и остальными.